

Реферат на тему: "Життя і творчість І. С. Тургенєва"

Іван Тургенєв

ЖИТТЯ І ТВОРЧІСТЬ І.С.ТУРГЕНЕВА

План.

1. Роман І.С. Тургенева "Отцы и дети".
2. Савина и Тургенев.
3. Похороны Тургенева.

Роман І.С. Тургенева "Отцы и дети" появился на свет в 1862 году. И с тех пор он всё продолжает восхищать читателей своими художественными достоинствами, а политические, философские и эстетические проблемы, поднятые писателем на его страницах, всё продолжают вызывать несомненный интерес. Причина последнего заключается в том, что Тургеневу как великому художнику удалось запечатлеть в "Отцах и детях" несколько ярких эпизодов идейной борьбы между основными общественными силами в России конца 50-х годов XIX века.

В то время самым животрепещущим был вопрос об отмене крепостного права. В ходе реформы 1861 года чётко выявились противоположные позиции либералов — дворян и революционных демократов; революционные демократы Чернышевский и Добролюбов ясно видели крепостнический характер готовящейся реформы; либералы, напротив, возлагали на реформу большие надежды, считали ее чуть ли не единственным средством разрешения крестьянского вопроса. Так на реформу смотрел и сам Тургенев.

Основным и единственным выразителем демократической идеологии здесь является Евгений Базаров. Тургенев наделил его материалистическими взглядами, любовью к труду и к точным наукам огромной силой воли и способностью оказывать влияние на окружающих, показал его ненависть ко всякой фразе и позе, к косности и рутине. Все эти положительные черты Базарова писатель взял из реальной жизни, к которой был исключительно чуток. Не случайно М.Е. Салтыков — Щедрин в письме к другу Тургенева П.В. Анненкову утверждал, что "Отцы и дети" были "плодом общения" автора с демократическим журналом "Современник", во главе которого стояли Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов. И действительно, Базаров высказывает в романе мысли об устройстве общества, весьма близкие к отдельным положениям философии Чернышевского; он критикует суеверия и предрассудки, рабскую покорность народа, его пассивность примерно в том же плане, как это делали на страницах "Современника" Некрасов, Чернышевский, Добролюбов. Все это дает основание говорить о подлинном демократизме Базарова.

Однако Тургеневский герой не остаётся таким на протяжении всего романа. Писатель во второй половине "Отцов и детей" изменяет облик Базарова, приводит

героя к пессимизму, лишает его веры в народ, в будущее России, то есть делает его непохожим на подлинных революционных демократов, философия которых была освещена высокими идеалами. Как умеренный либерал, приверженец постепенного, реформистского преобразования России, Тургенев не мог возлагать надежды на революционных демократов.

И все же, как великий художник слова, Тургенев искал объективную правду жизни и старался объективную правду жизни и старался достоверно воспроизвести ее даже в том случае, когда она противоречила его политическим и философским взглядам. Поэтому смысл романа далеко не сводился к стремлению автора поставить своего умного и сильного героя в трагическое положение и привести его к капитуляции перед любовью, перед всесильной природой, перед возвышенными и трогательными родительскими чувствами, перед "вечными" законами жизни.

Точка зрения "русского слова" (и продолжившего его линию журнала "Дело") на роман Тургенева наиболее ярко отразилась в статьях Д.И. Писарева: "Базаров", "Реалисты", "Новый тип", "Посмотрим!". Вслед за Чернышевским и Добролюбовым Писарев считал главной задачей критики анализ идей и произведений, их соответствия жизненной правде. В статье "Базаров" (1862) Писарев снял с героя "Отцов и детей" обвинение в карикатурности, глубоко и всесторонне объяснил положительный смысл этого образа, подчеркнул жизненную важность и социальную значимость Базаровых на определённом этапе развития русского общества. В статьях "Реалисты" (1864) и "Новый тип" (1865) Писарев отдалил роман Тургенева от ряда антинигилистических романов 60-х годов и сблизил его с романом Чернышевского "Что делать?".

К "новым людям" — героям романа Чернышевского — критик отнес тургеневского Базарова как "очень яркого представителя нового типа".

Хотя Писарев несколько односторонне подошёл к (готов был оправдать даже скепсис героя по отношению к будущему героя и отрицание Базаровым искусства), он глубже, чем другие современники, вскрыл проблематику "Отцов и детей". Поэтому статьи Писарева были весьма одобрительно встречены прогрессивной молодёжью 60-х годов.

Взгляд Писарева на роман "Отцы и дети" в основном разглядел и Герцен. Он прямо писал о статье Писарева "Базаров": "Статья эта подтверждает точку зрения, в своей односторонности она вернее и замечательнее, чем о ней думали ее противники". О Базарове же Герцен сказал, что он "все-таки подавил собой и пустейшего человека с душистыми усами, и размазю отца и бланманже Аркадия". Роман Тургенева в силу своей злободневности нашел широкий отклик во всех слоях русского общества. Он не утратил актуальности и последующее время. Критики — марксисты В.В. Воровский и А.В. Луначарский по праву считали этот роман значительным явлением не только литературы, но и общественной жизни 60-х годов XIX века.

8 сентября 1916 года русская сцена понесла тяжкую и глубокую потерю: скончалась Савина. Для тех, кто имел счастливую возможность слышать и созерцать ее игру, любоваться тонкими и нежными оттенками ее исполнением уносить благодаря

ей, в душе своей яркий и иногда самобытный, созданный ею образ, — ее кончина была огромным лишением в области нравственного и эстетического наслаждения, доставляемого театром. Для Савиной сцена была любимым поприщем для самостоятельного творчества, не ограничивающегося умелым и достоверным изображением того, что задумано автором.

Для тех же, кто имел радость бывать в личном общении с Савиной, кто знал ее не только по сцене, но и в частной жизни, ее уход "за грань земного кругозора" был двойной и горестной утратой. В ее лице из их духовного обихода ушла обладательница ума, тонкого и проницательного, способного, благодаря широкому развитию на почве неустанного самообразования, все понимать и перерабатывать, — обладательница образного, красочного и точного слова для выражения изящной, в своем в своем художественном облики, мысли не лишенной по временам иронии и затаенной насмешки. Все это, в соединении с пленительной внешностью и в особенности с удивительными по живости выражения, блеску и внутреннему огню глазами Савиной, заставляло крайне дорожить беседой с нею и пребыванием в одном с нею обществе, которое она своим присутствием всегда умела оживлять и поднимать от часто пошлой обыденности в область искусства и общих вопросов.

Интерес вызываемый его талантом и ее личностью, привлекал в круг ее знакомых, как следовало ожидать многих представителей литературы и притом наиболее выдающихся. Достаточно назвать Тургенева, Гончарова... Творения первого она особенно любила и когда ставилось "Дворянское гнездо", в переделке Вейнберга для сцены, она, готовившаяся играть роль Лизы, — и как игравшая, — "пережила" по ее словам, "все муки ада", стараясь олицетворить этот чудный образ достойно "памяти Ивана Сергеевича" и считала свою попытку "дерскою и даже чудовищною", утешая себя лишь тем, что публика хоть услышит чудный язык Тургенева. Кроме увлечения произведениями Тургенева и им самим, насколько он в них сказывался, Савину связывала с писателем и ее страстная любовь к природе, которою она, живя всю жизнь в бутафорском лесу и дыша "пылью... кулис", восхищалась, "до умиления, до слез". А кто же лучше Тургенева умел захватывать читателя именно картинками природы?!

После первой встречи с Тургеневым у Савиной возникли с ним самые теплые отношения и частая переписка. Ее письма после смерти нашего знаменитого писателя в Париже, в 1883 году, не были, как это обычно делается возвращены ей, но его письма сохранены ею с благоговейным вниманием, "как святыня".

С этого времени начинается ближайшее личное знакомство Тургенева с Савиной. Она, очевидно, произвела на него сильное впечатление, не только, как изящная в своей отзывчивости женщина, но и как чуткая актриса, знающая цену и свойства своего дарования и умеющая его применять со всей его силой к горячо любимому ею искусству. Письма к ней и свидания с нею потянулись длинной чередой. Первые очень скоро вышли из рамок условной вежливости, приняли задушевный тон и вскоре начали отображать в себе нарастающую привязанность Тургенева, которою с полным правом можно назвать любовью. В глазах его Савина, вероятно, имела, не меньше блестящих

достоинств, чем Виардо.

Пребывание с Савиной в Спасском, одновременно с семейством Полонского, было праздником для Тургенева, да и для всех.

Савина уехала из Спасского 18 июля 1881г., а 10 августа Тургенев получил от нее письмо из Перми, от 29 июля, давшая повод ему думать, что она выходит замуж за Всеволоджкого. Отвечая лучшими пожеланиями счастья и бодрости, он говорит о неизменности своих чувств и прибавляет "Поглядел бы я на вас в ту минуту, когда провозглашали многолетие невесте! Во-первых, Ваше лицо всегда приятно смотреть, а во-вторых, оно должно было быть особенно интересным, а именно тогда. Когда мы увидимся (если увидимся), Вы мне все это расскажете с той тонкой и художественной правдивостью, которая Вам свойственна — и с этой милой доверчивостью, которою я заслуживаю — не как учитель (с маленьким или большим У), а как лучший Ваш друг"

"...

Итак, остается одна дружба. Для взаимной любви нет уже более места — печальная неприодалимая привычка к "краешку чужого гнезда", как могучий магнит снова тянет Тургенева в Париж.

Смерть Тургенева было тяжелым испытанием для Савиной. Он будил в ней лучшие чувства души не только, как во многих из своих читателей, своими сочинениями, но и в своем личном к ней отношении, исполненным доверия, позволявшего заглянуть в его душу. Собрание его писем к разным лицам изданное в 1884 году Литературным фондом, показывает, что он далеко не всем — и вообще скупой отворял врата в храм своей души. Он знал, конечно, по горькому опыту, что в большей части случаев люди мало ценят такое доверие, хотя иногда добиваются его — и, зачастую, легкомысленно побродив в том храме, наплевав на пол и разбросав окурки, покидают его, даже не затворив за собою дверей... Сознание, что "его нет более!" — что, оставшись навсегда в литературе, он служил до самого своего мучительного конца, он, как лично ей близкий, дорогой человек, ушел навсегда, — не могло не заставлять ее страдать искренне и глубоко.

Перед большим и лучшим портретом Тургенева постоянно обновлялся роскошный букет свежих роз, как символ неувядания воспоминаний. Эти розы привозила ежедневно Мария Гавриловна Савина...

Весть о смерти Тургенева произвела сильное впечатление во всех просвещенных кругах русской земли, почувствовавших глубину утраты. Об этом свидетельствуют ряд состоявшихся постановлений отдельных обществ, городских дум, земских собраний и заявления разных лиц, появившееся в газетах.

Похороны Тургенева вызвали напечатание целого ряда стихов, посвященных его памяти. Наиболее удачными из них можно признать стихи покойного Андреевского с их трогательным концом: "Ты к нам желал на север дикий — Укрылся с юга на покой: — Сойди же в грудь земли родной, — Наш вечно милый и великий! — Здесь тишина...здесь лучший друг, — Здесь все товарищи вокруг... сюда пришли, пришли без счета — Слагать венки на этот свод, — И чуть от церкви с поворота, — К тебе завидят

узкий ход, Какое нежное волнение — Невольно каждый ощутит!.. — И сколько раз благословенье — Твою могилу осенит! "

На другой день после похорон, в зале городского Кредитного общества состоялся вечер, посвященный литературным поминкам по Тургеневу. Перед собравшейся в большом количестве публикой, среди которой было много дам, многие из которых пришли в траурных костюмах, сказал вступительное слово Стасюлевич, назвавший Тургенева вещим человеком, в высоком и художественном значении этого слова. Особенное впечатление на этих поминках произвели талантливое чтение М.Г. Савиной отрывки из "Фауста", Н. В. Давыдовым из "Певцом", а также чтение Кавелиным "Довольно", проникнутое глубоким чувством, которое сказалось волнением чтеца, мешавшим ему по временам продолжать свое чтение.

Молчание одного из старейших и самого видного из русских литературных обществ о смерти Тургенева вызвало в свое время негодующий отзыв П.Д. Боборыкина о постыдном равнодушии москвичей к этой утрате.

Говоря о Тургеневе, столь громко оплаканном в 1883 году, невольно хочется спросить: "А где же памятник ему? Тот памятник, на постановку которого, "по всем вероятием", петербургская дума ассигнировала остатки от расхода на погребение?" Его нет, но зато в одном из небольших губернских городов, по сообщению газет, которому просто не хочется верить, улица, известная местным жителям как главный приют домов терпимости, была названа Тургеневской...

Так продолжались моральные похороны Тургенева многие годы после его смерти. Хочется надеяться, что теперь они окончены, и что краски, наложенные этим надгробным красноречием на личность человека, так много давшего людям на своей родине и за ее рубежом, "спадут ветхой чешуей". Хочется думать, что Тургеневское общество не пойдет этим путем и своими работами углубит и расширит понимание и изучение творений Тургенева в их отношении к разнообразным сторонам жизни.